

ХРОНИКИ ВЫЖИВШИХ

МЭРИ Э. ПИРСОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
ПЗЗ

Mary E. Pearson

THE KISS OF DECEPTION

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства Intercontinental Literary Agency

Перевод с английского *Елены Мигуновой*

Пирсон, Мэри Э.

ПЗЗ Поцелуй обмана : [роман] / Мэри Э. Пирсон ; пер.
с англ. Е. Мигуновой. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 480 с. — (Хроники Выживших).

ISBN 978-5-17-101143-7

Она сбегает в день своей свадьбы. Крадет секретный документ из тайника. За ней охотятся наемники, отправленные в погоню ее отцом. Она — семнадцатилетняя принцесса Лия, Первая дочь дома Морриган. Правители королевства чтят устои предков и соблюдают старинные обычаи. Но есть традиции, с которыми Лия не желает мириться. Например, выходить замуж за того, кого она ни разу не видела — человека, избранного ей в мужья из политических соображений.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101143-7

Copyright © 2014 by Mary E. Pearson
© Е. Мигунова, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Мальчику, попытавшему счастья,
Мужчине, сумевшему его сохранить.*

Конец скитаний. Обещание. Надежда.

Расскажи еще раз, Ама. Расскажи о свете.

Я роюсь в памяти. Сон. История. Смутное воспоминание.

Тогда я была меньше, чем ты, дитя.

Грань между хлебом насущным и истиной. Нужда. Надежда. Моя бабушка рассказывала сказки, чтобы занять меня, потому что есть было нечего. А теперь я смотрю на эту девчужку, былиночку, которой и во сне не доводилось досыта поесть. Она верит. Она ждет. Тяну ее к себе за худые ручонки, сажаю, легкую как перышко, себе на колени.

Давным-давно, дитя мое, жила-была принцесса, не старше твоих лет. Ей покорялся весь мир. Солнце, луна и звезды падали ниц и поднимались с колен, повинаясь ее приказам. Давным-давно...

Что было, то прошло. А сейчас есть лишь она – эта златоглазая девочка у меня на руках. Прочее не имеет значения. Только конец наших скитаний. Обещание. Надежда.

Идем, дитя. Нам пора.

Пока не явились стервятники.

Вечные вещи. То, что остается. То, о чем я не смею с ней говорить.

Я расскажу тебе по пути. О том, что было раньше. Давным-давно...

Последний завет Годрель

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Настал день, когда должны умереть тысячи мечтаний и родиться единственная мечта.

Ветер знал это. Его ледяные порывы терзали венчавшую холм крепость, словно лютой зимой, хотя уже наступил июнь. Ветер сотрясал проклятьями окна и сквозняками летал по залам, нашептывая угрозы. Грядущее было неотвратимо.

К добру или худу, но время мое истекало. Я прикрыла глаза, прячась от этой мысли и зная, что вскоре день расколется надвое и навеки разделит мою жизнь на *До* и *После* — все случится в один миг, и я не в силах ничего изменить, как не могу изменить цвет своих глаз.

Я отошла от окна, запотевшего от моего дыхания, оставив бескрайние холмы Морригана наедине с их заботами. Пора и мне встретиться со своими.

Все обряды были совершены как подобает, ритуалы выполнены согласно предписаниям, отдана дань величию Морригана и Выжившим, его основавшим. Я не противилась.

С этого момента мной овладело безразличие, но с приближением полудня сердце снова бешено заколотилось — я осознала, что от неизбежного меня отделяет всего несколько шагов.

Обнаженная, я лежала лицом вниз на каменном столе, уставившись в пол, пока тупые лезвия царапали мне спину. Я замерла неподвижно, хотя и знала, что ножи, дотрагивающиеся до моей кожи, в умелых руках. Мастера и распорядители прекрасно понимали, что поплатятся жизнью, если что-то пойдет не так. Полная неподвижность помогла мне скрыть унижение от собственной наготы и прикосновений чужих пальцев.

Паулина, сидела рядом, наблюдая — наверняка волнуясь. Ее лица я не видела: длинные темные мои волосы рассыпались водопадом, отгородив меня от мира. Мне был виден только небольшой участок каменного пола, да слышен мерный шорох лезвий.

Одно из них спустилось к пояснице и царапнуло нежную кожу над ягодицами. Я поборола инстинктивное желание оттолкнуть его, но все же слегка вздрогнула, и по залу пронесся вздох.

— Тихо! — прикрикнула тетушка Клорис.

Мне на голову опустилась материнская рука и стала ласково перебирать волосы.

— Еще несколько линий, Арабелла. И все.

Несмотря на то что это было приятно, я рассердилась, услышав свое официальное имя. Мать настаивала, чтобы меня называли именно так, подержанным именем, которое до меня носили слишком многие. Мне хотелось, чтобы хоть сейчас, в последний мой день в Морригане, она оставила формальности и назвала меня так, как я предпочитала, прозвищем, которое дали мне братья, сократившие одно из моих многочисленных имен всего до трех букв. *Лия*. Простое имя, правдивее всего отражавшее мою суть.

Шорох смолк.

— Готово, — объявил главный мастер.

Помощники забормотали, подтверждая его слова.

Я услышала стук подноса, поставленного на соседний стол, и почувствовала насыщенный аромат розового ма-

сла. Вокруг зашаркали ногами, образуя круг — те-тушки, мать, Паулина и другие, кто был допущен к участию в церемонии, — и запевая молитвы. Перед глазами мелькнула черная мантия жреца, он вел мелодию громче всех, нагретым маслом окропляя мою спину. Помощники мастера втирали масло в кожу, умелыми пальцами впечатывая в нее бесчисленные традиции дома Морриган, придавая вес обещаниям, вырезанным на мне, провозглашая сегодняшние обеты и подтверждая грядущие.

«Пускай надеются», — с горечью думала я, стараясь мысленно привести в порядок все еще стоящие передо мной задачи; те, что были запечатлены в сердце, а не на клочке бумаги. Я почти не слушала бормотание жреца, его монотонное пение о том, чего хотели другие — обо мне там не было ни слова.

Мне было всего семнадцать. Неужели я не имела права даже на свои собственные мечты о будущем?

— Арабелла Селестина Идрис Джебеллия. Первая дочь дома Морриган, плоды ее жертвы и благословение...

Он все твердил о бесконечных благословениях и святых, его голос звучал все громче, заполняя зал, и, когда я думала, что больше не вынесу (слова жреца буквально душили меня), наконец умолк, и на краткий благословенный миг в ушах зазвенела тишина. Я снова обрела способность дышать. Оставалось последнее благодарение.

— Ибо королевства восстают из праха умерших, воздвигаются на костях ушедших, и к сему мы вернемся по воле Небес!

Он поднял мой подбородок одной рукой и, окунув большой палец другой в пепел, мазнул мне по лбу.

— Быть посему и для Первой дочери дома Морриган, — закончила моя мать, как предписано традицией, и стерла пепел смоченной в масле тряпицей.

Я закрыла глаза и опустила голову. *Первая дочь*. Благословение и проклятие. И, сказать по правде, позор.

Мать снова дотронулась до меня, ее ладонь легла мне на плечо. Запоздалая ласка отозвалась острой болью на раздраженной коже. Жрец запел последнюю молитву на родном языке моей матери, молитву-оберег, которая почему-то не входила в обязательный ритуал, — и мать отняла руку.

И снова меня окропляли маслом под заунывное пение, разносившееся под каменными сводами, тяжелый аромат роз заполнял воздух и мои легкие. Я вдохнула поглубже. Удивляясь себе, я невольно наслаждалась этой частью ритуала: нагретые масла и теплые ладони снимали копившееся неделями напряжение. Бархатное тепло смягчило жжение от кислоты лимонного сока, подмешанного к краске, а благоухание цветов на миг перенесло меня в тайный сад, где никто не смог бы меня найти. Ах, если бы все было так просто...

Церемония подошла к концу, и мастера расступились, позволяя полюбоваться их работой. Раздались восхищенные вздохи.

Я услышала чьи-то шаги.

— Осмелюсь сказать, взгляд жениха вряд ли задержится на спине, когда его взору откроется все остальное.

По залу пронесся смехок. Бойкую на язык тетушку Бернетту не остановило ни присутствие жреца, ни торжественность момента. Отец утверждал, что я унаследовала ее язвительность, но сегодня мне все же удавалось сдерживаться.

Паулина взяла меня за руку и помогла подняться.

— Ваше высочество, — она протянула мне мягкую простыню, чтобы прикрыть наготу и сохранить хотя бы те крохи достоинства, что еще оставались у меня. Мы украдкой переглянулись, и мне немного полегчало. Паулина подвела меня к большому зеркалу и подала зеркальце в серебряной оправе, чтобы и я смогла оценить работу мастеров. Перебросив длинные волосы на грудь, я приспустила простыню, до поясницы обнажив спину.

Все, затаив дыхание, ждали моей реакции. Я старалась казаться невозмутимой, чтобы лишний раз досадить матери, но нельзя отрицать, свадебная *кава* в самом деле вышла великолепной. Рисунок меня ошеломил. Уродливый герб Дальбрека был выполнен необычайно красиво... На моей спине лежал укрощенный рычащий лев, держа в когтях замысловатый узор из вьющихся виноградных лоз, символа Морригана, изящно сплетающихся в массивное V, сходясь на поясице. Лев выглядел гордым, и в то же время покорным.

У меня ком встал в горле, глаза защипало. При других обстоятельствах я бы могла полюбить эту *каву*... Почла бы за честь носить ее. Я сглотнула, представив, как ахнет от изумления принц, сбросив мое свадебное одеяние после обмена клятвами. *Похотливая жаба*. Но искусству мастеров следовало отдать должное.

— Превосходно. Благодарю вас и не сомневаюсь, что с этого дня мастера Морригана будут в почете и у Дальбрека.

Мать улыбнулась, зная, чего мне стоили эти скупые слова.

На этом всех попросили удалиться: оставшееся время мне предстояло провести с родителями и Паулиной, моей камеристкой. Мать принесла нижнее платье, из белого шелка, невесомое, словно облачко — тончайшая ткань будто таяла в руках. Шелк мало что прикрывал — очередная формальность, такая же неясная и бесполезная, как бесчисленные пласты древних традиций. За нижним платьем последовало верхнее, с вышитой на спине V, повторявшей узор *кавы*: дань уважения Дальбреку и знак нового подданства невесты.

Мать затянула скрытую в платье тесьму, ткань мягко прильнула к телу, подчеркнув линию талии, но не образовав ни единой складки на спине, что было поистине чудом. Это была инженерия того же порядка, что и у вели-

кого моста Голгата, а то и более удивительная. Казалось, швеи вплели в ткань настоящую магию. Размышлять об этом было гораздо приятнее, чем думать о том, что случится в ближайший час. Мать торжественно развернула меня лицом к зеркалу.

Позабыв обиды, я замерла в восхищении. Никогда не видела платья прекрасней! Поразительно изящно и просто; единственное украшение — вставка из плотного кружева работы местных мастеров по глубокому, до талии, V-образному вырезу. *Элегантность*. Кружева повторяли форму выреза на спинке платья. В нем я казалась себе другим человеком — старше, мудрее... Кем-то, чье чистое сердце не таило секретов. Кем-то... непохожим на меня.

Не проронив ни слова, я отошла от зеркала и устояла в окне. Моя мать еле слышно вздохнула, следуя за мной по пятам. Вдалеке виднелся одинокий красный шпиль на руинах Голгаты. Эта единственное, что осталось от некогда великого моста, раскинувшегося над бухтой. Скоро не станет и его. Даже таинственная инженерная магия Древних не в силах сопротивляться неизбежному. И с чего я взяла, что у меня получится?

Сердце защемило, и я перевела взгляд к подножию холма. Там, на дороге, ведущей от цитадели к городской площади, гроыхали повозки, нагруженные бочонками с вином из виноградных хозяйств Морригана, фруктами и цветами. Приметила я и цепочку карет и даже рассмотрела цветные ленты, вплетенные в конские гривы.

Возможно, в одном из этих экипажей едет мой старший брат Вальтер, держась за руки со своей юной женой Гретой. Едва ли даже моя свадьба заставит их оторвать взгляд друг от друга. Остальные братья, наверное, уже на площади, одаривают улыбками всех миловидных девиц подряд. Несколько дней назад я застала Регана с дочерью кучера: он что-то тихонько нашептывал ей на ушко в тени

безлюдной аллеи. А ветреный Брин каждую неделю обхаживал новую пассию. Мои обожаемые старшие братья — все трое — могли влюбляться в кого захотят и жениться по своему выбору. Девушки тоже могли выбирать. И все остальные тоже, включая Паулину, чей кавалер должен был вернуться в город к концу месяца.

— Мама, как ты это вынесла? — спросила я, провожая взглядом кареты. — Покинула Гастино, вышла за противного старика, нелюбимого, за жабу?

— Твой отец не жаба, — строго сказала она.

Я повернулась к ней.

— Да, он, конечно, король, но тем не менее. Хочешь сказать, что брак с человеком вдвое старше не казался тебе кошмаром?

Серые глаза матери светились спокойствием.

— Не казался. Я выполняла свой долг и предназначение.

У меня вырвался тяжелый вздох.

— Потому что ты была Первой дочерью...

Мать всегда избегала таких разговоров, но сейчас деваться ей было некуда. Припертая к стенке, она застыла, но потом, вздернув подбородок, гордо произнесла:

— Это честь, Арабелла!

— Но у меня нет дара, который получает Первая дочь! Я не *сиарра*, которую ждут в Дальбреке. Обман непременно раскроется. И этот брак станет позором.

— Дар может прийти со временем, — тихо сказала мама.

Я не стала спорить, но всем известно, что чаще всего дар открывается, когда девочка становится девушкой. Со мной это произошло уже четыре года назад. И ничего — никаких намеков на дар. Маминим надеждам не суждено сбыться. Я вновь отвернулась к окну.

— Даже если ты не *сиарра*, — продолжала мать, — этот брак не станет позором. Дело не только в силе. Первая

дочь — украшение королевского рода. Ты сама и есть дар, несущий в себе наследие поколений. Помни об этом.

— Почему дар переходит именно к нам? Почему сын не может унаследовать эту силу? Или вторая дочь?

— Такое бывает, но... очень редко. Это нарушение традиции.

Как и потеря дара? Немой упрек повис в тишине, но даже я не посмела бы ранить мать этими словами. Отец давно перестал посвящать ее в дела государства, но в годы расцвета маминой силы, к ее советам прислушивались. Или это ложь? Я уже не знала, чему верить.

А еще я терпеть не могла туманных речей. Мне нравилась прямота. И я так устала от разговоров о даре, что, казалось, взорвусь, если услышу еще хоть слово о нем. Моя мать принадлежала другому времени.

Мать приблизилась, обняла меня, согревая своим теплом. У меня сжалось горло.

— Моя дорогая дочь, — прошептала она мне на ухо, — неважно, проснется ли дар. Забудь тревоги. Сегодня день твоей свадьбы.

С жабой, мерзким стариком. Я мельком видела своего будущего свекра, короля Дальбрека, когда тот приезжал подписать бумаги — точно я была лошадью, которую он купил для сына. Король был скрючен, как артритный палец — такой старый, что годился в мне в прадеды. Немощный и дряхлый, он даже не смог без посторонней помощи подняться по лестнице в Большой зал. Я представляла, каким щеголем окажется принц: сгорбленный, с проваленным беззубым ртом! И чтобы я с ним...

Представив костлявые руки на своем теле, морщинистые губы на своих губах, я содрогнулась от отвращения. Мой взгляд по-прежнему был устремлен в окно, но я больше ничего не различала за стеклом.

— Почему мне хотя бы не позволили познакомиться с принцем поближе? Увидеть его?

Мать опустила руки.

— Увидеть принца? Отношения с Дальбреком и так напряженные, неужели ты оскорбила бы их подобной просьбой, в то время как Морриган живет надеждой на этот союз?

— Но я же не солдат в армии моего отца.

Мама прижалась ко мне щекой и прошептала:

— А вот тут, дорогая, ты ошибаешься.

По моей спине пробежал холодок. Мать в последний раз обняла меня и отстранилась.

— Нам пора. Я схожу за твоей накидкой, — сказала она и быстро вышла за дверь.

Я же направилась к шкафу и, распахнув дверцы, достала из нижнего ящика зеленый бархатный сверток, в котором был спрятан подарок на шестнадцатилетие от старших братьев — тонкий кинжал, инкрустированный драгоценными камнями. Упражняться с оружием мне не позволяли, но зарубки на двери гардеробной комнаты свидетельствовали о том, что я втайне от всех нарушала этот запрет. Взяв еще кое-что с полки, я завернула вещи в сорочку и перетянула лентой.

Вернулась Паулина, уже одетая к свадьбе, и я вручила сверток ей.

— Я обо всем позабочусь, — дрожащим от волнения голосом сказала она и поспешила прочь, столкнувшись в дверях с моей матерью.

— О чем она позаботится? — вскинула брови мама.

— Я решила взять еще кое-что из одежды.

— Мы уже отправили в Дальбрек все необходимое, — проговорила мать, пересекая комнату и подходя к кровати.

— А про эти платья забыли.

Покачав головой, мать напомнила, что места в карете немного, а путь в Дальбрек неблизкий.

— Все поместится, — заверила я ее.